

ТАЙНА ФРУКТОВОГО ВОЛШЕБСТВА

Петрунина Светлана

Светлана Петрунина

Тайна фруктового волшебства

«Автор»

2023

Петрунина С.

Тайна фруктового волшебства / С. Петрунина — «Автор», 2023

Сказка насыщена юмором, уникальными яркими персонажами, неожиданными поворотами событий и тайной фруктового волшебства, которую нужно непременно разгадать.

© Петрунина С., 2023

© Автор, 2023

Светлана Петрунина

Тайна фруктового волшебства

1. АГНЕС

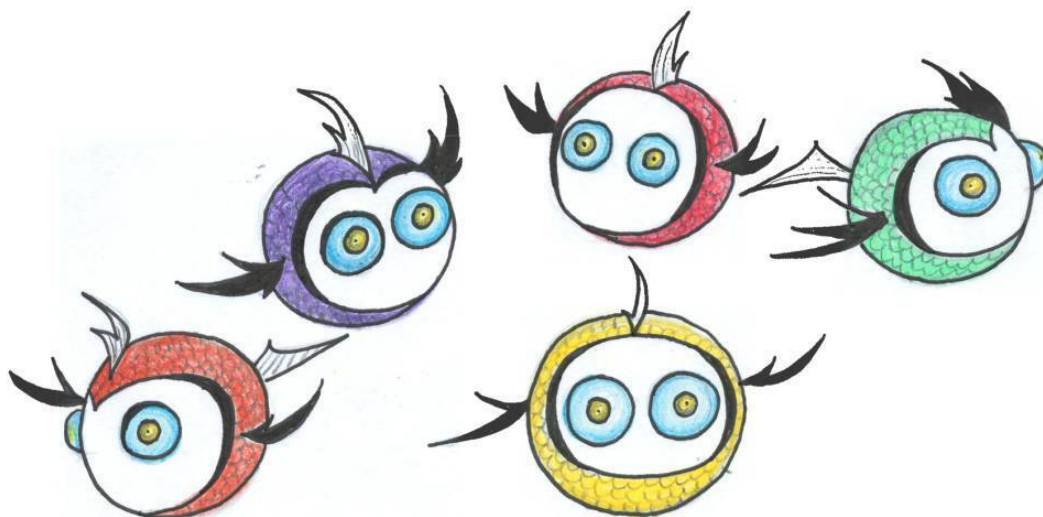
Внезапно на подушку вскочило какое-то существо, замахало нелепыми крылообразными отростками и принялось хаотично постукивать девчонку по голове длинным клювом. Агнес крепче зажмурила глаза и заливисто засмеялась: «Ой, Галлус! Доброе утро! Не любишь, когда я сплю? Ты мой хороший! Ну, перестань! Все-все! Я встаю! Дай мне хоть глаза-то открыть!» Галлус прекратил измывательство, одушевленно соскочил с кровати и вытаращил куриный глаз на Агнес.

Агнес села, коварно взглянула на Галлуса и с хохотом шлепнулась лицом на пышную подушку. Копнища ее синих кудрявых волос накрыла все тело. Галлус не мог простить такое предательство! Он вскочил на кровать и с энтузиазмом принялся щипать клювом пятки Агнес.

«Ай! Ну, все! Все! Встаю! Честное слово!» – завизжала Агнес. Галлус, виляя перьевым хвостом, неумолимо продолжал щипать пятки.

Агнес стремительно сиганула с кровати и констатировала: «Все! Я встала! Доволен? Пошли умываться!» Она затянула волосы в огромный крендель и, зевая, направилась в ванную комнату под победоносное кудахтанье Галлуса.

Ванная комната не уступала по размерам спальне. В центре огромного перламутрового пространства высился фонтан, вода из которого струилась в яйцеобразный бассейн. Тут же к бассейну была приставлена горка, с которой Агнес обожала скатываться на вращающейся подушке. По всей комнате были разбросаны шары, наполненные водой, в которой плавали диковинные разноцветные рыбки. Рыбки выглядели настолько чудно, что сама Агнес то и дело радостно восклицала: «Ну, как же вы у меня получились, такие, пучешары?!»

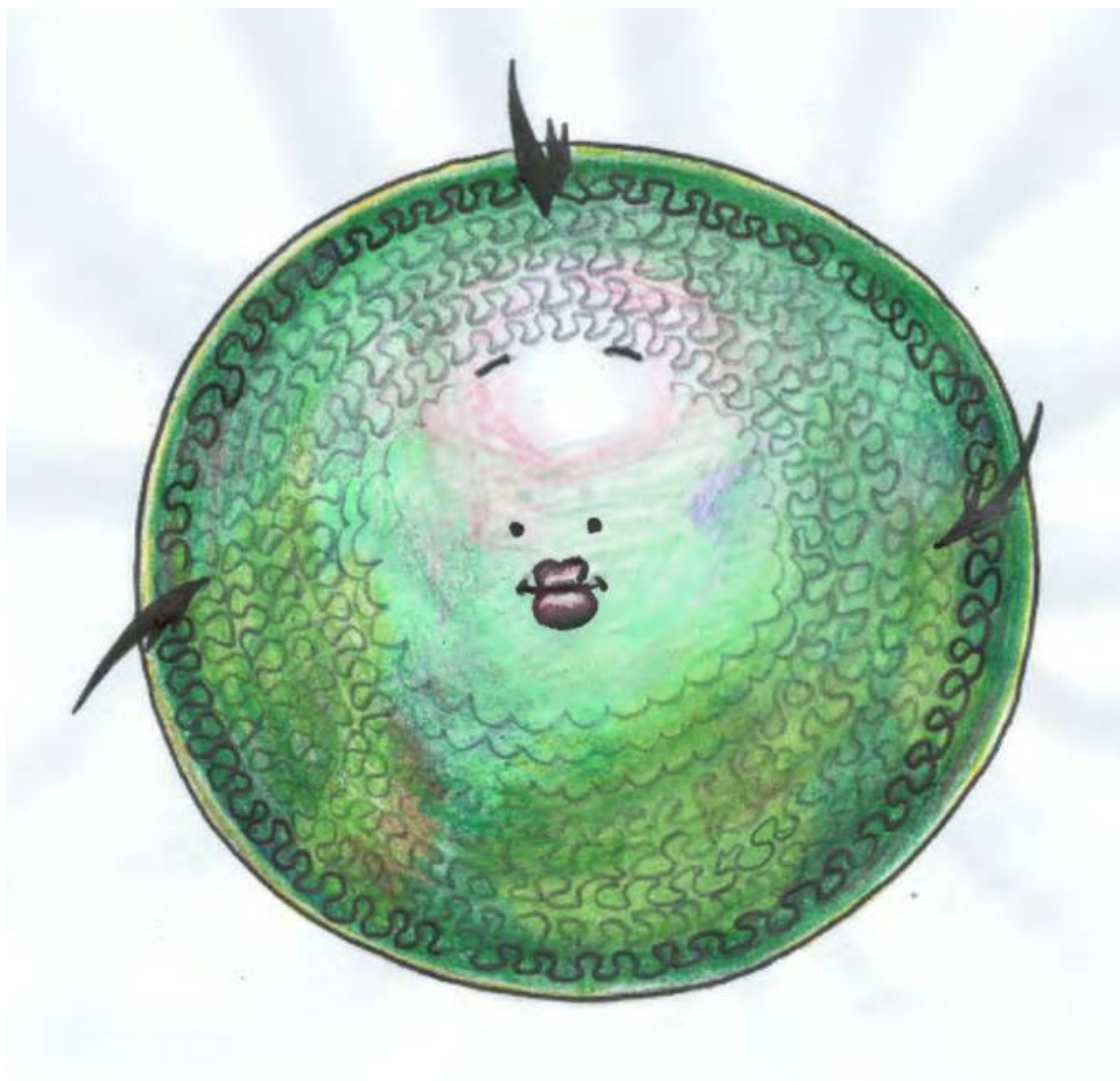

И в этот раз она приблизилась к одному из шаров, ноготком поскребла его стеклянную поверхность и шаловливо хихикнула: «Ну, вы, просто, – огонь!»

Рыбки замерли и молча уставили свои лупообразные глаза на Агнес, которая зачарованно наслаждалась обликом своих творений.

«Галлус! Давай веселиться!» – внезапно вкрикнула Агнес и хлопнула в ладоши. Тут же заиграла задорная музыка, затанцевали по стенам цветные огоньки, а с потолка посыпались мыльные пузыри. Галлус весело поскакал в сторону бассейна, а Агнес вскочила на самокат и ринулась за ним.

Однако, Галлус прыгал так высоко и далеко, что вмиг очутился у бассейна и заскочил в него. Агнес же еще пришлось подниматься по высокой лестнице, прежде чем окунуться.

В бассейне их встретили причудливые создания.

«Привет, Глобус!» – крикнула Агнес и набросилась с объятиями на зеленое шарообразное существо с крохотными глазками. Глобус испустил довольное рычание. Агнес никак не могла обнять его покрепче: скользкое пузатое тело выскакивало из рук. В конце концов, она решила оставить эти попытки, чмокнула Глобуса в лоб и подплыла к загадочному змееобразному животному, тело которого было похоже на связку разноцветных сарделек.

Галлус, тем временем, каркая, истерично бултыхался в воде, пытаясь пронзить клювом мыльные пузыри.

«Доброе утро, Серпентиина», – тихо произнесла Агнес и погладила спящую змею по голове. Та, в свою очередь, глубоко и с удовольствием замурлыкала, продолжая безмятежно лежать в своем комфортабельном гнезде.

Специально для Серпентины было сконструировано гнездо из подушек, которое висело прямо над водой и постоянно покачивалось. Змея спала 23 часа в сутки, редко покидала свое убежище и не обращала внимания на происходящее вокруг разгулье.

Когда утренние водные процедуры закончились, Агнес и Галлус спустились на первый этаж необъятного особняка, чтобы приступить к утренней трапезе.

Пока они шли по лестнице, в них то и дело врезались какие-то причудливые насекомые. Одни были похожи на комаров с огромными ушами, другие – на мух с длинными хвостами, а некоторые – на смесь стрекозы и паука.

Агнес, пытаясь увернуться от крылатого штурма, продолжала всем улыбаться и желать доброго утра: «Доброе утро, Аран! Доброе утро, Кулекс! Как поживаешь, Мурка?» Чудо-насекомые продолжали медленно и апатично парить по дому и врезаться в стены, шкафы, люстры, окна. Некоторые из них падали на пол или столы, лежали кверху лапками, а потом снова возвращались к своему бессмысленному монотонному перемещению по воздуху.

Наконец, Агнес и Галлус очутились в столовой, посреди которой стоял огромный стол с фруктами.

Только фрукты! Это был закон! Агнес питалась исключительно фруктами! Абрикос, авокадо, алыча, ананас, аннона, апельсин, банан, бергамот, питахайя, дуриан, карамбол, кумкват, личи, мангостин. Более двухсот пятидесяти видов фруктов ежедневно присутствовали в рационе Агнес. Ее вдохновляли их чудесные цвета, формы и вкусы.

Ну вот, и пришло время раскрыть секрет нашей героини. Ведь неспроста вокруг Агнес хороводила разнопестрая живность. Дело в том, что девочка обладала исключительным даром обращать неодушевленные предметы в фантастические создания. Камушек превращался в ушастую птичку с желтыми глазками, веточка – в летающую змейку, вилка – в... Невозможно даже описать, во что превращалась вилка. В конце концов, для своих экспериментов Агнес выбрала фрукты, потому что ничто в мире кроме них не могло себе позволить такого разнообразия для вдохновленного творчества.

Первым ее творением стал Галлус. Будучи совсем малышкой, Агнес взяла рамбутан, маленький банан, апельсин с зелеными листьями, схватила все это в охапку, прижала к сердцу и прошептала: «Мой Галлус». Внезапно фрукты засияли, наливаясь энергией волшебства, и соединились в нечто похожее одновременно на петуха, страуса и павлина. Галлус шевельнулся, чему Агнес совершенно не удивилась, и клюнул девчонку прямо в нос, отчего та звонко расхохоталась.

Как Агнес только не забавлялась. Она воображала самых немыслимых животных, прижимала к сердцу наидиковиннейшие фрукты, и вот, пробуждался очередной красочный экземпляр.

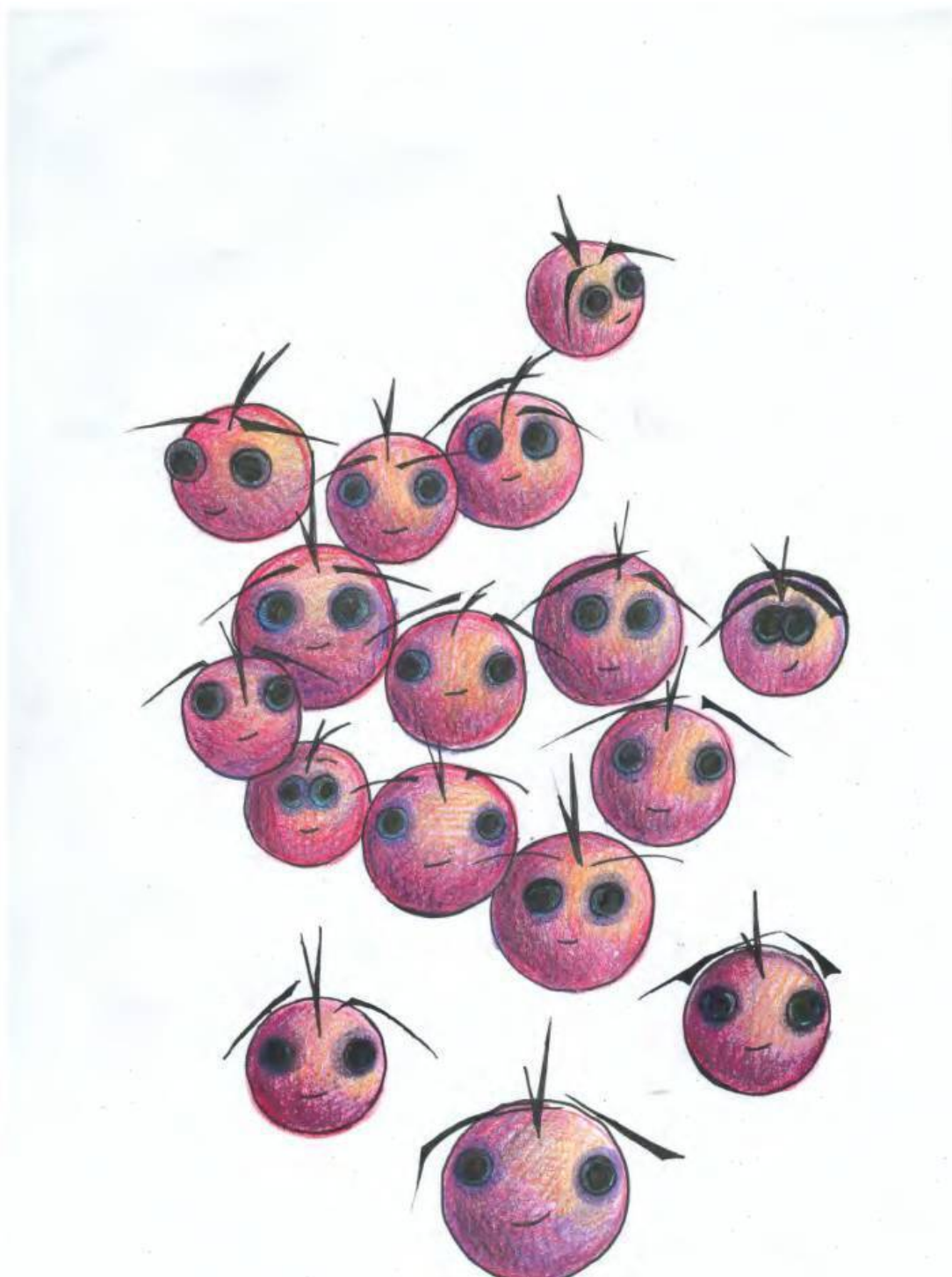
Некоторые животные и насекомые покидали дом. Агнес ничуть об этом не жалела, потому что была уверена, что с ними ничто не случится, ведь горожане знали, откуда прилетело, приползло или прибежало существо, и были счастливы им любоваться.

Войдя в столовую, Агнес взяла яблоко, сочно отхватила от него огромный кусок, плюхнулась в кресло, водрузила босые ноги на стол и принялась деловито жевать, задумчиво уставившись в высоченный потолок.

«Гаус, у авай, умай, шо ам егоня атворить», – выдавила из набитого рта Агнес. Галлус, тем временем, с азартом клевал виноград. Некоторые ягоды ускользали от его длинного клюва, отчего голова лихорадочно шарахалась в разные стороны.

«Да!!! Знаю!» – взвизгнула Агнес. Галлус подскочил, крикнул и яростно продолжил поглощать виноград.

Агнес отыскала на столе большую тарелку с вишней. Там было штук триста ягод. Она попыталась взять сразу все вишенки в охапку, однако ничего не получилось. Тарелка чуть не вывалилась из рук, а некоторые ягоды раскатились по полу. Агнес капризно вытаращила глаза, поджала губки и топнула ножкой. Успокоившись, она терпеливо собрала все ягоды, села на пол, поставила тарелку на колени, закрыла глаза, прижала к сердцу вишневую кучу и прошептала: «Мои Зуфы». Ягоды наполнились магическим сиянием.

Агнес открыла глаза, и в тот же миг триста писклявых Зуфов кубарем выкатились из тарелки и рассыпались по полу. Галлус тут же забыл про виноград и рванул за Зуфами. На полном скаку он беспорядочно клевал пол, пытаясь попасть хоть по одному Зуфу. Агнес, глядя на все это представление, пронзительно хохотала: «Галлус, давай! Хватай! Ну, что же ты!»

Однако, Зуфы получились такие ловкие и быстрые, что Галлус быстро измотался и, возмущенно хрюкнув, бухнулся кверху брюхом на коврик у камина.

«Ой, ну и повеселил ты меня, Галлус!» – довольно выдохнула Агнес, поднимаясь с пола.

Зуфы разбежались в разные стороны. Некоторые из них даже выскочили на улицу и покатались по городским закоулкам, пугая прохожих своей юркостью и пискотней.

Агнес подошла к Галлусу и нежно потрепала его по животу. В этот момент мимо них прокатился отставший от собратьев писклявый Зуф. Изможденный Галлус даже не обратил на него никакого внимания.

«Послушай меня, Галлус, – спокойно заговорила Агнес, провожая взглядом одинокого Зуфа, – у меня есть мечта. Я хочу сделать всех людей счастливыми! Я верю, что это возможно. Я верю, что мы родились, чтобы быть счастливыми». Галлус глядел выпученным глазом на Агнес.

«Я чувствую, что мой дар мне дан для большого дела. Не просто для баловства. Только еще не знаю, для какого дела. Но я скоро узнаю. Ты слышишь, Галлус?» – Агнес взглянула на любимого друга. Галлус, тем временем, убаюканный ласками Агнес, уже дремал.

Агнес улыбнулась, тихонько поднялась с коврика и подошла к окну.

Из окна открывался вид на чудесный зеленый город Виридис. Дома были окрашены тысячами оттенков зеленого цвета. Все было усыпано зеленью: деревьями, цветами, травой, кустарниками. Город дышал здоровьем и пышным ароматом благополучия. А еще повсюду копошились чудесные создания, созданные Агнес.

Созерцая всю эту совершенную жизнь, Агнес почувствовала прилив всеблаженства. Счастье наполнило каждую клеточку ее тела упоением, а небесно-голубые глаза – слезами восторга.

2. МОРАНА

Но давайте теперь обратимся к обратной стороне реальности. К боли, обиде, ненависти, непростительной злобе и зависти. Без них никак.

Где-то недалеко от Виридуса в темном городе Морулусе жила Морана.

Морана, так же, как и Агнес, обладала чудесным даром. Разница между ними состояла лишь в том, что Агнес созидала жизнь, а Морана – смерть. Из разложившихся зловонных остатков фруктов она создавала мерзких ядовитых тварей, которые наводили ужас на жителей Морулуса. Питалась Морана этими же остатками, поэтому от нее самой непрерывно исходил кисло-тухлый запах.

Она обладала мрачной наружностью. Спутанные ломаные волосы, могильный взгляд, немые лицо и руки дышали ненавистью ко всему живому и самой себе. Кроме того, на пра-

вой части ее лица виднелся давнишний шрам от ожога, который делал ее внешность еще более зловещей.

Утро у Мораны начиналось с очередного злодейства. Она выбирала из кучи гнилых фруктов самый смрадный экземпляр, плевала на него ржавой слюной и швыряла на пол. Через секунду «Нечто» начинало клокотать, смердеть и елозить. Некоторые твари были наполнены злобой настолько, что не могли прожить и минуты. Они подыхали прямо после рождения.

Весь город жил в постоянном страхе. Никто лишний раз не решался показаться на улице, потому что везде обитала адская живность Мораны. Трехголовые змеи, паукообразные болотные тараканы, гнилые косоглазые тритоны, трухлявые мокрицы. Это был далеко не полный перечень чудовищ Морулуса.

Сама Морана жила в сырой темной пещере на краю города. Казалось, что ей было комфортно в холодном коконе одиночества, из которого не было пути к счастью.

Однажды жители Морулуса, изможденные и искушенные заплесневелыми гадами, решили расправиться со злодейкой. Они вооружились лопатами, вилами, факелами и направились к пещере. Однако, как только Морана увидела приближающуюся толпу, она схватила кучу гнилых яблок, апельсинов, бананов, еще чего-то несуразного и создала целую армию злобных монстров, плюющих серной кислотой. «Как же я вас всех ненавижу! – шипела Морана. – Сдохните!». В ту ночь не стало половины жителей Морулуса. Некоторые после такой трагедии покинули город, однако, многие остались сосуществовать, все еще надеясь на лучшее.

В пещере всегда царил мрак. Морана давным-давно приучилась легко ориентироваться в темноте, потому что ненавидела свет.

Однако, даже абсолютное зло всегда трепетно стережет в себе что-то невидимое светлое. И чем зловещее натура, тем яростнее она защищает то хорошее, что скрывается глубоко внутри нее.

В глубине пещеры, где жила Морана, находился большой камень, на котором стояла фотография с изображением какой-то белокурой женщины с печальным взглядом и доброй улыбкой. Казалось, что женщина была глубоко несчастна, однако, счастлива по-своему. Перед фотографией стояла всегда зажженная свеча, и лежало зеркальце с обгоревшей рукоятью. В темной обители это было единственное мало-мальски освещенное место. Морана всегда зажигала очередную свечу, когда предыдущая догорала. Она часто подходила к камню, брала зеркальце, злобно всматривалась в свое изувеченное лицо, затем смотрела на изображение женщины и шептала: «Я буду мстить всегда. Они все поплатятся. Ненавижу. Они все сдохнут, как собаки. Мама...» Морана, как будто, не желала забывать какую-то чудовищную обиду, которую ежедневно прикармливала мучительными воспоминаниями.

Еще несколько минут Морана стояла перед фотографией матери, что-то яростно и неразборчиво нашептывая. Глаза ее наливались кровавой ненавистью, руки тряслись, а волосы шевелились. После этого она укладывалась спать на червивую землю и, укутываясь холодом и болью, засыпала.

Так жили две девчонки вдали друг от друга, используя каждая по-своему свою чудесную силу.

3. ГАЛЛУС

В то утро Виридис излучал какой-то особенный зеленый цвет, темно-изумрудный, с чуть уловимыми нотками беспокойства.

Агнес проснулась от того, что ей на нос приземлились три пузатые мухи, некогда бывшие абрикосовыми косточками, и принялись задорным хором настойчиво жужжать. В тот же миг на них набросился Галлус.

«Ай! Ты чего клюешься?!» – завизжала Агнес, отмахиваясь от Галлуса, которому, все-таки, удалось схватить клювом одно насекомое.

«Ааааа!!! Ну, нельзя же так! Фу! Выплюнь! Она же живая!» – Агнес заверещала так, что у Галлуса отвисла нижняя часть клюва, из которого, шатаясь от ужаса, вынырнула муха. Теперь ее жужжание походило на астматический скрежет.

Агнес проводила сочувствующим взглядом несчастное создание и направилась в бассейн.

«Ну, ладно! Галлус, пошли купаться! Все замечательно! Муха-то живая осталась... Ха-ха! Эй, Галлус!» – Агнес обернулась и увидела, как Галлус корчится на полу в судорогах, выдавливая из глотки истошные хрипы.

Агнес оцепенела от ужаса и, как будто, покрылась бледным инеем. В тот же миг она рванула к Галлусу с воплями: «Что с тобой!? Галлус!!! Ну?! Помогите!!! Что делать?» Она пыталась поднять Галлуса, трясла его, отчаянно прижимала к сердцу, не понимая, что происходит.

Галлус жадно и тщетно глотал воздух и конвульсивно трепыхался, разрывая лапами воздух и оставляя на руках у Агнес глубокие царапины. Мучения продолжались около минуты. Внезапно его тело напряженно вытянулось, а спустя мгновение безвольно обвисло.

От чувства глубокой безысходности Агнес окоченела и перестала дышать, пожирая опухшими глазами пустоту.

Через минуту дом разорвал крик абсолютной беспомощности, и жизнь остановилась.

Прошел час, а Агнес, покачиваясь, сидела на полу и обнимала безжизненное тело Галлуса, не принимая произошедшее. «Нет... Нет... Нет... Что же так...» – нашептывала Агнес.

Это был самый чудовищный момент за всю непродолжительную жизнь Агнес. Ее сердце разлетелось на куски. Она долго не могла отпустить Галлуса из объятий, не решаясь взглянуть на него такого – другого.

Теперь Агнес осталась одна, не смотря на то, что дом кишел сотнями сказочных животных. Галлус был последней ниточкой, связывающей ее с ощущением бесконечного семейного счастья, которым когда-то дышал этот дом. Она не помнила ничего о своем детстве, кроме этого ощущения. Теперь дом опустел окончательно.

Агнес хоронила Галлуса во дворе дома. Горе сдавливало ее сердце нетерпимой болью. Она стояла под дождем, сжавшись в комок, и смотрела на пустоту под могильным крестом. Внутри холодная сырость. «Как больно...» – тихо прошептала Агнес сама себе.

Время от времени к Агнес подбегали, подползали или подлетали сказочные существа. Некоторые из них сочувственно смотрели на могилку и быстро возвращались домой. Даже Серпентина в этот день выползла из своего гнезда, тихо подшуршала к Агнес и туго обернулась вокруг ее ноги, а затем также тихо скрылась в траве.

В этот момент к Агнес подошел маленький рыжий мальчик, взял за руку и выразительно звонко со знанием дела произнес: «Ну вот, а я слышал, что такое уже случилось одиннадцать лет назад».

Агнес не сразу обратила внимание на слова мальчика. Несколько секунд спустя она посмотрела на него опухшими заплаканными глазами и спросила:

– Что случилось?

– Ну вот, сегодня я подслушал, как бабушка моему папе рассказывала, что одиннадцать лет назад умерла твоя мама. Ну вот, также. Таинственно...

– Как это? Откуда твоя бабушка знает?

– Ну вот, она же работала у вас в доме. Правда, совсем недолго. Пару недель всего. Тогда и умерла твоя мама.

– Веди меня к своей бабушке! – Агнес уверенно схватила Гингибери за руку. – А тебя-то как зовут? И откуда ты тут, вообще, взялся?

– Гингибери меня зовут. Ну вот, пришел погрустить. Это так печально, когда кто-то родной умирает. У меня тетя Флава умерла. Правда, еще до моего рождения. Но говорят, что была доброй, и мама грустила. А еще у меня умер хомяк.

– Очень сожалею, – хрипло усмехнулась Агнес и потащила Гингибери к калитке, ведущей в сторону городских домов. – Показывай, куда идти!

– Ну вот, вон туда!

Агнес решительно направилась по указанной тропинке, которую из-за дождя размыло, поэтому пришлось широко и высоко шагать по грязи.

Город казался одиноким и несчастным. Вода настойчиво смывала ощущение солнечной радости. И лишь странные жабоподобные существа (видимо, очередные творения Агнес) гарцевали по мясистой грязи, забавно открывая пасти навстречу дождевым брызгам. После таких хмурых дней особенно вкусно ощущается лучистое утреннее дыхание природы, чистое от смытых радости и гнева.

Через минут пятнадцать Агнес и Гингибери очутились перед симпатичным одноэтажным домиком. Он был похож на зеленый расписной пузатый гриб. Покатая крыша напоминала грибную шляпу, а выпуклые окна – стрекозиные глаза. Ножка гриба была вся исписана узорами в форме листьев и веточек.

Надо сказать, в Виридисе все дома были похожи на грибы самых разнообразных оттенков зеленого цвета. Только белоснежный четырехэтажный дом Агнес по-хозяйски вздымался над городом, как будто, ощущая свое превосходство.

Домик Гингибери был окружен низким зеленым забором. Небольшой двор выглядел весьма просто. Ничего кроме аккуратно постриженной травы и пустой собачьей будки там не было.

Агнес так хотела поскорее поговорить с бабушкой Гингибери, что сама быстро открыла калитку, мигом очутилась около входной двери и нагло зашла в дом, хлюпая грязными туфлями.

– Сынок, это ты? – раздался откуда-то из глубины дома звонкий голос.

– Мама, иди сюда! – ответил Гингибери.

Через мгновение перед Агнес появилась женщина. Одета она была в небрежный пестрый халатик, а в руках держала большую кастрюлю. Казалось, что ее большие бесцветные глаза были наполнены грустью и теплой добротой. Длинные распущенные волосы женщины были абсолютно седыми, хотя с виду ей не было еще и тридцати лет.

– Ой... Агнес, – женщина растерянно посмотрела на Агнес, а затем на кучу грязи, которую та затащила прямо на вязаный коврик, и ее широкие глаза стали еще грустнее.

– Это моя мама! – гордо скандировал Гингибери. – Ее зовут Тристис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.